

Самые холодные дни миновали, небо постепенно теплело, и то тут, то там стали доноситься птичьи трели. У Дай Шэнъяня вдруг разыгралось игривое настроение, и он принялся таскать Се Цзинланя и Сяо Ляня по всему городу: сегодня они устраивали занятия в Конфуцианском храме, завтра — у Каменного города, а послезавтра перебирались в переулок Уи.

Се Цзинлань с самого детства рос взаперти, не покидая внутренних покоев. На редкие весенние прогулки по загородным полям он выбирался всего пару раз, а уж празднику Лунных фонарей с запуском бумажных корабликов по реке и вовсе не суждено было коснуться его судьбы. Теперь же, когда Дай Шэнъянь повсюду возил его за собой, юноша за считанные дни вдоволь наслаждался озерами и горами Цзиньлина. Мрачные тучи, что доселе клубились в его сердце, вмиг рассеялись, и на душе стало куда светлее.

Под надежной защитой Дай Шэнъяня, да еще с неизменным весельчаком Сяо Лянем, что круглые сутки крутился рядом, Се Цзинлань заметно оживился. Дай Шэнъянь видел это и радовался от всего сердца.

Правда, если подумать, этот Сяо Лянь был поистине невыносим. На днях Се Цзинлань вдруг обнаружил, что и сам начал покачиваться ногой, когда сидит за книгой или пишет. Это открытие напугало его не на шутку, и он поспешил искоренить дурную привычку, теперь он строго следил за каждым своим шагом, движением и позой, панически боясь стать таким же несерьезным, как Сяо Лянь.

Что же до самого Сяо Ляня, то затея Дай Шэнъяня пришлась ему по душе. Его седалище от рождения находилось в кровной вражде со скамьями, усидеть на месте он не мог и минуты: стоило ему присесть, как у него тут же возникала нужда до ветру или мучила жажда, а вскоре он и вовсе исчезал из виду.

Даже у столь терпеливого и благодушного человека, как Дай Шэнъянь, в конце концов лопнуло терпение. Он с досадой произнес:

— Сяо Лянь, ты хоть капельку уважения ко мне прояви! Я же всем вокруг уши прожужжал, в последние дни без конца получаю письма от друзей — поздравляют с тем, что я обрел одаренного ученика-вундеркинда, да еще просят дать почитать твои сочинения. И что мне теперь делать?

— Да мои каракули и взглядов-то людских не стоят! Может, отправите им сочинение молодого господина со словами, будто это я написал? А через несколько дней заявите: «Что в детстве гений — то в зрелости посредственность», — да напишете всем на обозрение трактат о Жаль, что Чжунъюн пропал, глядишь, мне и не придется больше изображать вундеркинда.

Дай Шэнъянь не знал, смеяться ему или плакать:

— Ладно, ладно. Раз уж ты всё сам придумал, мне остается только подчиниться.

В тот день Дай Шэнъянь привел обоих юношей к Башне Погони за Луной. Башня возвышалась над землей на огромную высоту: стоило окинуть взглядом окрестности, как представляли во

всей красе ряды улиц и домов, словно шахматная доска, окруженные со всех сторон мощными крепостными стенами, а вдали синели окутанные туманной дымкой далекие горы. И пусть Се Цзинлань никогда не бывал на горе Тайшань, в этот момент он вполне прочувствовал выражение «взойти на гору Тайшань — и весь мир покажется мелким».

Однако Башня Погони за Луной стояла прямо у дороги, в самом сердце шумного торгового квартала. Вокруг царило невообразимое оживление, торговцы и простой люд толкались плечами, и Се Цзинлань, нахмурившись, произнес:

— Здесь слишком шумно, как тут сосредоточиться на учебе?

Дай Шэнъянь лишь усмехнулся в ответ:

— Сегодня мы изучаем «Нравы царств» — как же постичь народные обычаи, не побывав среди простого люда?

Сделав бесстрастное лицо, Се Цзинлань подумал про себя: неужели этот старик и в самом деле захотел поразвлечься на улице, а бросить его, ученика, одного ему было совестно?

Не слишком-то охотно смирившись с теорией Дай Шэнъяня, он уже собирался велеть Сяо Ляню растереть тушь и приготовить кисть, но, обернувшись, обнаружил, что табурет пуст.

Ах, забудьте. На Сяо Ляня давно уже не было никакой надежды.

Приближался полдень, и Дай Шэнъянь успел изложить всё, что планировал. Посидев еще немного и выпив чайку, они так и не дождались возвращения Сяо Ляня. Дай Шэнъянь покачал головой:

— Похоже, Сяо Ляню наскучили страшные истории старика.

Се Цзинлань скрепя сердце попытался оправдать товарища:

— Он от природы непоседлив и ребячлив, не судите его строго, учитель.

— Ха-ха-ха, разумеется. Только жаль: история, которую учитель расскажет сегодня, в сто раз увлекательнее прежних. Очень жаль, что Сяо Лянь ее пропустит.

Се Цзинлань заинтересовался:

— О?

Дай Шэнъянь погладил бороду, но не спешил делиться подробностями происшествия, а вместо этого спросил:

— Цзинлань, доводилось ли тебе слышать о Цзялань Семи Листьев?

Листья давно опали, и вокруг торчали лишь голые сучья. Между ветвями кое-где виднелись ряды синей черепицы, издавна напоминавшие чешую на спине рыбы-пескаря. Сяо Лянь привычно предпочитал передвигаться поверху: то повиснет на кронштейне крыши, раскачиваясь из стороны в сторону, то бегают и прыгает по черепице. Редко кто из прохожих, заметив похожую на мартышку фигурку Сяо Ляня, пытался прикрикнуть на него, да только в мгновение ока парень исчезал среди крыш и кирпичных брандмауэров.

Налазившись вволю, Сяо Лянь забрался на старую софору, достал из-за пазухи припасенное пирожное и приготовился как следует передохнуть.

Прямо под софой притулился чей-то дворик, а ее сухие, но густые ветви раскинулись над ним широким шатром. Во дворе стояла лишь одна небольшая черепичная фанза со ставнями и дверями наглухо закрытыми, казалось, там никто не жил.

Стоило ему запихнуть в рот пару кусочков лакомства, как кто-то отворил калитку. Вошедший был облачен в черный еса. Он шагнул прямо по тени софировых ветвей, летевшей на землю, и остановился посреди двора. Сяо Лянь видел лишь его спину, на которой красовалась вышитая пара свирепых рыб-драконов с глазами размером с медные монеты и торчащими наружу клыками.

Шпион Восточного Завода? В груди Сяо Ляня шевельнулось подозрение.

Оглядевшись по сторонам, незнакомец обратился к пустоте:

— По приказу евнуха требуется уничтожить Се Бинфэна. Как только будет доставлена голова — триста лянов золота выплатят сполна.

Имя Се Бинфэн прозвучало для Сяо Ляня подобно раскату грома. Пирожное застряло в горле, он едва не закашлялся, но вовремя зажал рот ладонью и с трудом проглотил кусок.

У края крыши мелькнул край черного одеяния, и Сяо Лянь услышал странный звук — то ли шипение ядовитой змеи, то ли скрежет ножа по тетиве музыкального инструмента: хриплый и неприятный.

— По правилам Цзялань: сначала завязываешь хорошие узы, а затем пожинаешь хорошие плоды.

Цзялань! Сяо Лянь внезапно вздрогнул.

— Триста лянов — немалая сумма. С чего евнуху быть уверенным, что вы справитесь без осечки?

— Мы — асуры и злые духи, мы — мясницкие ножи в руках Будды. Когда злой дух приходит за душой, кому от него укрыться? Раз уж ты не веришь в богов и Будду, в нечистую-то силу верить должен.

— Сначала выплачиваю сто лянов задатка, а когда дело будет сделано — еще двести.

— Станешь ли ты торговаться, когда возносишь молитвы в храме?

Шпион холодно усмехнулся:

— Ты и впрямь возомнил себя живым Буддой? Евнух привлекает вас к делу — это ваша великая удача. За вами уже приглядывают гвардейцы в парче, и если Восточный Завод не придет на помощь, нет никаких гарантий, что вы и дальше сможете вести столь беззаботную жизнь.

Облаченный в черное сделал примирительный жест и произнес:

— Я никогда не говорил, что я Будда. В Цзялань лишь один Будда — это настоятель, его зовут Будда Шисинь, а все мы — лишь духи, которых он призывает. — На его губах мелькнула насмешливая улыбка, и он продолжил: — Каких людей ловят гвардейцы в парче, мы с тобой оба прекрасно понимаем, да только мастерства ваших людей из Восточного Завода, пожалуй, не хватит, чтобы тягаться с гвардией.

Лицо шпиона изменилось, он хмыкнул:

— Хорошо, зови своего Будду, пусть поговорит со мной.

Человек в черном покачал головой с улыбкой:

— Настоятель возвышается над всеми, разве пристало ему мараться о мирскую пыль? Мое время ограничено: я сосчитаю до трех, и если сделка не состоится — я уйду.

Не дожидаясь ответа шпиона, обладатель тонких губ вымолвил первое число:

— Раз.

Уголки рта шпиона опустились, на лице отразилось раздражение.

Человек в черном неторопливо произнес:

— Два.

Рука шпиона качнулась к рукояти клинка, словно он собирался заговорить.

— Три. — Человек в черном вздохнул. — Какая жалость.

— Постой. — бросил шпион. — Завтра в полдень жди у Восточных ворот. Триста лянов золота будут спрятаны в гробу, который повезут из города.

Человек в черном улыбнулся:

— Цзялань услышала твою молитву.

Едва смолкли его слова, как налетевший порыв ветра разметал припасенные у Сяо Ляня пирожные: крошки дождем осыпались на голову и лицо шпиона. Остолбнев от ужаса, Сяо Лянь вскочил на ноги и попытался карабкаться выше, но шпион издал грозный рев и метнул в его сторону железную кошку.

Сяо Лянь не успел увернуться — железная кошка впилась ему в левое плечо. В тот же миг когти разорвали плоть, брызнула горячая кровь, а по телу прокатилась пронзительная боль. Шпион дернул за веревку, и Сяо Лянь мгновенно взмыл в воздух, а затем рухнул на землю, словно пустой мешок.

Обернувшись на человека в черном, он увидел, что тот спокойно стоит под свесом крыши, капюшон полностью скрывал его лицо, открывая лишь мертвенно-бледный подбородок — тот даже не собирался вмешиваться.

Страх подступил к горлу, казалось, по спине побежали ледяные мурашки. В голове Сяо Ляня билась лишь одна мысль: бежать!

В тот момент он до конца осознал, что на самом деле означает быть ассасином. Это не просто взмах клинка и не охота за чужими душами — это жизнь рука об руку с самой смертью.

Преодолевая боль, он попытался подняться, но сил вырваться из путеводных цепей железной кошки не было. Шпион тем временем вытащил из ножен меч сюйчунь и двинулся на него. Стиснув зубы, Сяо Лянь вскинул правую руку — скрытый в рукаве арбалетный болт со свистом рассек воздух.

Вдруг тонкий, как цикадиновое крылышко, серебристо-лунный клинок опередил его выпад: сначала он срубил арбалетный болт, а затем вонзился прямо в грудь Сяо Ляню.

Короткий клинок пронзил кожу на груди парня; тот отчетливо ощутил леденящий холод острия и хлынувшую горячую кровь. Однако нож не вошел глубже, а вместо этого втянулся обратно в рукоять.

Сяо Лянь не растерялся: вцепившись в рукоять торчавшего из груди клинка, он рухнул на землю, прикусил язык, выплюнул пару сгустков крови, вытянул шею, выкатил глаза и замер неподвижно, продемонстрировав виртуозное мастерство притворяться мертвым.

— Прошу прощения за этот конфуз. Это мальчишка из Цзялань, видимо, стащил тут пирожные и некстати подвернулся нам под сделку. — Человек в черном виновато улыбнулся. — Но правила превыше всего, я уже разобрался с ним. Надеюсь, ваша милость довольна?

— У Цзялань поистине железная дисциплина: могут прикончить даже своих, да к тому же

сопляка, у которого еще молоко на губах не обсохло. Конечно, я доволен, более чем доволен. — Шпион криво усмехнулся. Он бросил взгляд на рассыпанные по земле крошки: и вправду, воришки, подслушивающие чужие разговоры, обычно не таскают с собой сладости. Впрочем, дело было слишком серьезным, поэтому, поразмыслив с мгновение, он произнес: — После такого происшествия эту сделку лучше отменить. Завтра можешь не приходить.

Человек в черном кивнул.

Шпион толкнул калитку и ушел. Выждав немного и убедившись, что тот действительно удалился, Сяо Лянь поднялся с земли.

Человек в черном сбросил капюшон, являя миру правильные черты лица.

Цю Е с унылым видом оглядел Сяо Ляня и покачал головой:

— До чего же ты неудачливый малый, ну что мне с тобой делать?

Сяо Лянь виновато пробормотал:

— Я ведь не со зла...

Цю Е отнес его в дом, обработал и перевязал рану, а затем сурово наставил:

— То, что случилось сегодня, останется между нами. Не смей болтать об этом никому третьему. Ты всё испортил: Цзялань вмиг лишилась трехсот лянов золота! Настоятель ведь собирался подлатать горный храм да улучшить условия жизни для всех братьев. Узнай он об этом — живо скрутит и заставит на горе плети терпеть.

Припомнив недавнее, Сяо Лянь через силу приподнялся и спросил:

— Старший брат Цю, вы действительно собираетесь убить Се Бинфэна?

Цю Е окинул его взглядом — в его глазах не было привычной мягкости, лишь холодная, неумолимая строгость, от которой оставшиеся слова застряли у Сяо Ляня в горле.

— Сяо Лянь, я думал, хоть ты и кажешься легкомысленным, а совесть в груди имеешь. Даже твоя матушка, при всей ее силе, относилась к законам Цзялань с благоговейным трепетом. Запомни раз и навсегда: о делах не спрашивай, убивать дозволено всех.

Сяо Лянь опустил голову и тихо ответил:

— ...Понял.

Цю Е продолжил завязывать повязку, но тут же сменил тему:

— Этот мой Цюшуй достался мне по наследству от предков. Подумай хорошенько: если решишь стать моим учеником, я передам тебе и Цюшуй.

Сяо Лянь: «.....»

— Цзялань Семи Листьев? Разве это не те самые разбойники из Цзянху, за которыми охотится управа? Слышал, на днях гвардейцы в парче переловили немало ассасинов Цзялань.

Дай Шэнъянь покачал головой с усмешкой:

— Всё это мелкая рыбёшка, что рядится в чужие имена ради смуты. Настоящие ассасины Цзялань скрываются в мирских селениях и даже при дворе императора — разве их так просто поймать? Гвардейцы в парче просто закрыли глаза на подлог, лишь бы скорее закрыть дело и отчитаться перед начальством.

Видя, сколь уверенно рассуждает Дай Шэнъянь, Се Цзинлань догадался спросить:

— Учитель лично встречался с ассасинами Цзялань?

Взгляд Дай Шэнъяня устремился вдаль, поверх многоярусных крыш за окном:

— Это было двенадцать лет назад.

Двенадцать лет назад Дай Шэнъянь служил в должности префекта Цзянчжоу, куда его направили из столицы. По заведенному порядку, вступив в должность, он должен был сперва нанести визит удельному князю, державшему двор в Цзянчжоу. Тот князь славился на всю округу отъявленным повесой. В ту пору мода судить о людях и давать им оценки цвела пышнее, чем нынче: сыновья-почтительники, ученые мужи, вундеркинды и таланты толпами кучковались повсюду, и из каждого уезда, из любой горной глуши поминутно доходили слухи о появлении на свет какого-нибудь незаурядного человека.

А тот князь прославился на весь свет благодаря своему искусству предавался кутежам и развлечениям. Суметь выделиться среди сонма прославленных мудрецов и талантов — тоже достижение, знаете ли.

Он вел столь распутный образ жизни, что княжеский дворец превратился в настоящее поднебесное царство вина и мяса, где даже ночные горшки украшали языки красавиц, из-за чего простой народ давно прозвал его Си Лэ-ваном — «Князем Радостей и Веселья», так что прежний титул со временем почти забылся.

Прослужив долгие годы на чиновничьем поприще, Дай Шэнъянь повидал на своем веку немало бурь, однако даже он не мог скрыть изумления перед лицом этого князя.

Впрочем, поразило его вовсе не баснословное богатство Си Лэ-вана, а его чудовищная полнота. Князь напоминал крошечную гору из плоти, и когда Дай Шэнъянь подошел поднести ему чашу с вином, то невольно отступил на три шага: не ровен час, оступись его высочество, и Дай Шэнъянь с позором превратился бы в посмешище — в чиновника, которого раздавили лепешкой в первый же день на посту.

Когда чаши обошли гостей по третьему кругу, заговорил Си Лэ-ван:

— Я слышал, уважаемый Дай-дажэнь, что вы вдовствуете уже много лет. Должно быть, так и не сыскали по сердцу спутницу жизни. У меня во дворце красавиц — видимо-невидимо: и пышнотелые, и стройные, на любой вкус. Приглянется кто — забирайте прямо сейчас, это лишь знак моего скромного уважения.

Дай Шэнъянь ответил:

— Хоть моя покойная супруга и скончалась давным-давно, слуга ваш ни на миг не перестает тосковать по ней, и память о ней всегда со мной. Княжескую щедрость я принимаю в сердце своем, но жениться повторно пока не помышляю, а потому прошу прощения, ваше высочество.

Князь явно не поверил ни единому слову Дай Шэнъяня и заговорщически произнес:

— Здесь чужих нет, господин может не церемониться. Жена ваша умерла молодой, боюсь, вы и вкуса настоящей женщины толком изведать не успели.

Си Лэ-ван загадочно улыбнулся, и две складки плоти на щеках приподнялись, превратив глаза, и без того крошечные, в тонкие щелочки, будто процарапанные кончиком иголки. Сердце Дай Шэнъяня тревожно кольнуло — предчувствие подсказало, что сейчас случится что-то недоброе.

Зазвучали нежные звуки музыки, и две колонны певиц, держа в руках железные пипы, одна за другой вошли в зал. На девушках были лишь полупрозрачные шелковые одежды, причем железная пипа прикрывала лишь самое сокровенное, сквозь ткань едва угадывались округлости белых нежных грудей, а их кожа под мерцающим светом свечей казалась сияющим литым бараньим жиром.

Девушки закружились в танце, и плавная, волшебная мелодия струилась словно вода из их почти прозрачных, хрупких пальцев. Все они выросли при княжеском дворе под надзором опытных наставниц, а потому каждый их вздох, каждое движение источали безупречное, чарующее кокетство.

Дай Шэнъянь едва удержался, чтобы не выколоть себе глаза собственные пальцами.

Он до смерти устал от дворцовых интриг и сам попросил об отправке в провинцию. Все вокруг крутили пальцем у виска, полагая, что он рехнулся: променять столичную роскошь на заросший горьким бамбуком Цзянчжоу! Мнящий себя утонченным мудрецом, он посмеивался над слепотой прочих, собрал вещички и без промедления прибыл сюда, мечтая лишь о тихой и

мирной жизни.

Кто бы мог подумать, что один-единственный Си Лэ-ван заставит его горько пожалеть о содеянном, до того ему захотелось немедленно повернуть коней назад в столицу и продолжить изо дня в день собачиться со старыми маразматиками.

Зажмурив глаза, он с жалким видом проговорил:

— Ваше высочество не ведает, что творит: мне уже перевалило за сорок, здоровье ни к черту, я давно уже не способен... к делам плотским.

Ради спасения собственной репутации чиновнику пришлось пойти на такие меры в надежде, что князь оставит его в покое.

Си Лэ-ван внезапно всё понял, напустив на лицо выражение глубокого сочувствия и сожаления:

— Да как же так! Я и не ведал о подобном недуге, вышло так, что затронул запретную тему господина. Вы уж не сердитесь на меня, убогого! Эй, уходите все, нечего маячить перед глазами уважаемого человека!

Дай Шэнъянь с облегчением вздохнул, сложил руки в приветствии и собрался откланяться, как князь добавил:

— Раз уж испить чашу женской любви не суждено, у меня найдется иной способ потешиться.

— ...Пожалуй, откажусь, ваше высочество. Самосовершенствование и взращивание духа — тоже немалое удовольствие.

Полагая, что Дай Шэнъянь просто ломается и скрывает свою истинную страсть, князь хлопнул в ладоши:

— Подайте мое ароматное вино!

Слуга внес кувшин, и князь лично плеснул гостю чарку. Стоило выдернуть пробку, как по комнате разнесся густой, пьянящий аромат — от одного лишь запаха этого вина Дай Шэнъянь почувствовал себя хмельным.

Не удержавшись, он взял чашу в руки и восхищенно произнес:

— Поистине чудесное вино! Как оно называется?

— Сие вино именуется Опьяняющий аромат костей, — с гордостью усмехнулся князь. — А знаете ли вы, как мне удастся варить столь благородный напиток?

— Осмелюсь спросить вашего высочества.

— Обычное вино варят по весне, и лишь мое — зимой. В холода вино не бродит само по себе, и тогда я приказываю слугам согревать его собственным телом. К выбору людей подходим строго: требуются писанные красавицы семнадцати-восемнадцати лет, которые обязаны спать в обнимку с винным чаном. Лишь такое вино набирает достаточную крепость и аромат. Можете пригубить и оценить, не чувствуется ли в нем запах девичьего тела?

Выслушав это, Дай Шэнъянь лишился дар речи. Наконец его терпение лопнуло, и он выпалил:

— Благодарю за столь щедрый дар, ваше высочество, но принять его не в силах. Мне нездоровится, задерживаться дольше не могу, прощайте!

— Ой! Да что же это такое, только собрались посидеть — и вдруг уходите?

Дай Шэнъянь вскочил на ноги. На миг ему почудилось, будто за занавесью впереди мелькнул чей-то расплывчатый силуэт: в мгновение ока он не успел разглядеть его целиком, но холодный, пронизывающий взгляд глубоко врезался ему в память.

Он испугался, пригляделся пуще прежнего — но там снова не было ни души.

Назойливый голос Си Лэ-вана зазвучал вновь:

— Дай-дажэнь, у меня в запасе еще столько сокровищ припасено! Радоваться жизни в одиночку до обидного скучно. Прежний префект Мо Чжинянь был немым бревном, из которого слова не вытянешь, но вы-то почему столь глухи к земным радостям?

Еще и «сокровища»?!

От этих слов Дай Шэнъяню стало не по себе, и он бросился к выходу.

Пыхтя и задыхаясь, Си Лэ-ван поспешил следом. Подумать только, этот огромный толстяк, которому с трудом давалось даже простое сидение на месте, бегал на коротких ножках шустрее, чем можно было ожидать. Дай Шэнъянь подхватил подола халата и припустил во двор, смертельно боясь, что тот его нагонит.

Ночь стояла темная, вокруг блуждали тусклые огоньки фонарей. Свита слуг следовала за ними по пятам, голоса во всю мочь:

— Ваше высочество, потише!

В самом хвосте процессии кто-то хотел подхватить крик, но в этот момент его сзади легонько толкнули. Озадаченно обернувшись, несчастный увидел лишь вспыхнувшую дугу света, а мгновение спустя на его горле проступила кровавая полоса. Фонарь из его рук с глухим стуком рухнул на землю, огорок свечи выкатился наружу и зловеще занялся пламенем.

Шедшие впереди слуги слышали шум, обернулись — и темная тень молнией промелькнула мимо них. Прошла лишь доля секунды, а все они замерли без движения. Первый из слуг всё еще усердно бежал впереди, стараясь изо всех сил, да так и не смог догнать беглецов. Уперев руки в бока, он шумно перевел дыхание и вдруг заметил, что вокруг никого нет.

— Эй, а где все?

Кругом царила темная тишина, в руке дрожал лишь одинокий огонек. Прижавшись спиной к холодной кирпичной стене, он почувствовал легкую тревогу.

Сделав несколько шагов назад, он ощутил резкую боль в груди. Опустив глаза, слуга увидел острие окровавленного лепестка стали, торчавшее из его груди.

Шагах в ста впереди Си Лэ-ван утер пот со лба и выругался:

— Ну и несговорчивый же ты человек!

— К чему вашему высочеству донимать меня? Завтра же напишу прошение об отставке и отправлюсь в деревню поля пахать, так устроит вас?! — возмутился Дай Шэнъянь.

— Ах ты! Да как ты смеешь! Я устроил роскошный пир, а ты воротишь нос! Куда мне девать мое лицо?

— Да хоть куда-нибудь засуньте, лишь бы не перед моими глазами!

От гнева у Си Лэ-вана потемнело в глазах; ухватившись за грудь, он несколько раз глубоко вздохнул, прежде чем совладать с собой:

— Ладно-ладно. Неблагодарный чурбан, не собираюсь я спорить с таким глупцом. — Повернувшись к отставшим слугам, он приказал: — А ну подойди, поддержи меня, чтоб я дошел до покоев! Ох, до чего же ты утомил меня, негодник!

Слуга, стоявший в тени за стеной, долго не шевелился.

Князь рассвирепел:

— Человеческого языка не понимаешь? Живо подошел и взял под руку!

Тот человек тихонько рассмеялся. Он вытянул из-за пояса нечто длинное, и леденящий блеск полоснул по глазам — Дай Шэнъянь и Си Лэ-ван невольно заслонились руками.

Что это? До чего же ярко.

Неужели...

Дай Шэнъянь разом всё понял: то был клинок, этот человек обнажал оружие!

Он вовсе не слуга княжеского двора — он ассасин!

<http://bllate.org/book/26257/3145237>